

Гу Цзямин стоял подле Дэн Сина. Прищурившись, великий актер смерил оппонента взглядом и под потрясенными взорами окружающих отвесил подчеркнуто вежливый поклон:

— Приветствую старшего!

Дэн Син опешил, и лицо его вмиг потемнело.

По всем правилам он действительно считался старшим коллегой Гу Цзямина, но если судить по нынешнему статусу, тот явно обошел его не на одну ступень. Будь Дэн Син почтенным мэтром в летах, принять подобный жест было бы в порядке вещей, но проблема заключалась в том, что он был старше Гу Цзямина всего на несколько лет.

Согласно официальным данным, Гу Цзямин дебютировал в двадцать два года, и сейчас ему исполнилось двадцать семь. Дэн Сину же было тридцать три. Будь он поумнее, непременно бы встал и поклонился в ответ, но Дэн Син привык свысока смотреть на Гу Цзямина. В глубине души он презирал этого юнца, считая, что тот проложил себе путь наверх через постель. А когда его еще и поддела Цзин Цзяоцзяо, в нем разыгрался гонор «молодого господина» — захотелось во что бы то ни стало отстоять свою гордость.

Помощник Дэн Сина побледнел. Он прекрасно знал об их старых счетах и непростом характере своего подопечного. Менеджер строго-настрога наказал ему следить за этим барином: нынешний Гу Цзямин — не тот новичок, что был на заре карьеры. С ним лучше не пересекаться, а уж тем более — не наживать проблем. Но, судя по всему, избежать столкновения не удалось.

— Брат Син, брат Мин с тобой здороваются! — Встревоженно поторопил его помощник.

Дэн Син глубоко вздохнул, собираясь, скрепя сердце, хоть как-то отреагировать, но Гу Цзямин уже развернулся и ушел.

Теперь все присутствующие смотрели на Дэн Сина совсем иначе. «Какая спесь! Популярный лучший актер кланяется тебе в знак приветствия, а ты даже слова в ответ не выдавил. Неужели думаешь, что если семья богата, то тебе всё дозволено?»

Слова, которые Дэн Син только что собирался произнести, застряли у него в горле. В груди разлилась глухая обида.

Цзин Цзяоцзяо с улыбкой отодвинула прежний стул и, притянув новый, гостеприимно похлопала по спинке, приглашая Гу Цзямина:

— Садись сюда, садись! Дай-ка сестренке взглянуть на твое личико! О-о-ох... наш Минь-Минь хорош собой под любым углом, просто безупречный красавец!

Усевшись, Гу Цзямин с улыбкой помахал в сторону Дэн Сина:

— Старший, у нас еще всё впереди...

Дэн Син только и смог, что беззвучно открывать рот: — ...

«Всё-таки этот Гу Цзямин такой же невыносимый, как и раньше!», — подумал он.

Помощник Цзя мысленно зажег за него еще один ряд поминальных свечей. Гу Цзямин никогда ни против кого не строил козней специально, он действовал по наитию, без всякого плана. Но

его внезапные проявления «природного коварства» обезоруживали сильнее всего – ведь он, возможно, и сам не осознавал, к каким последствиям приведут его поступки.

«Наш брат Мин до потери памяти, должно быть, был настоящим старым оборотнем», – подумал помощник. Ужас!

Когда Гу Цзямину наложили грим и надели парик, перед всеми предстал благородный господин, подобный чистому нефриту. По сценарию Чжунли Шао происходил из знатного рода. В начале истории он был блестяще образован, но предпочитал лишь слагать стихи да писать картины. Красотой он не уступал легендарному Пань Аню – несравненный юноша, из-за которого знатные девицы вечно соперничали друг с другом. До того как примкнуть к отряду князя И, он был типичным беззаботным молодым господином.

Гу Цзямин поднялся и взмахнул рукавом. Белое шелковое одеяние описало в воздухе изящную дугу. Одну руку он завел за спину, а вторую слегка приподнял. Движения были необычайно отточенными. Он не мог вспомнить, когда делал это прежде, но чувствовал: чего-то не хватает.

Стилист тут же протянул ему складной веер с костяными пластинами.

Гу Цзямин с улыбкой раскрыл его одним резким движением. На белой поверхности веера густой черной тушью был выведен размашистый иероглиф: «Гордость».

— Пф! Иероглиф написан даже хуже, чем пишу я, — вполне объективно заметил Гу Цзямин. А вот почему он умеет так красиво писать каллиграфию – он напрочь забыл.

Цзин Цзяоцзяо радостно выхватила телефон:

— Молчи! Сначала сфотографирую!

Гу Цзямин послушно позволил ей сделать снимки. Перед тем как его позвали на площадку, он крикнул, чтобы она обязательно переслала их ему – он хотел выложить пост в Weibo.

Первой снимали сцену знакомства князя И и Чжунли Шао. Режиссер Ван со всей серьезностью наставлял их:

— Снимаем вашу первую встречу. Князь И давно наслышан о талантах Чжунли Шао, и этот визит для него – лишь прощупывание почвы. Реплики запомнили?

Гу Цзямин кивнул и с недоумением огляделся:

— Первая сцена – только наша двоих?

Режиссер Ван помрачнел:

— У тебя есть возражения?

— А где главная героиня? — Непонимающе спросил Гу Цзямин.

Хоть у героини и было совсем мало экранного времени, она все же считалась главной. Чжэн Сюэшао еще давно вдолбил ему одну истину: не воруй чужое внимание, особенно у женщин, иначе легко наживешь себе врагов.

Режиссер Ван кашлянул и поскреб щетину:

— Она есть, но роль незначительная. С этого момента ты больше не «второй герой». После анализа, проведенного специалистами, я пришел к выводу, что формат с двумя главными героями вызовет у зрителей большой отклик.

— На этот раз роль твоей невесты тоже упразднена, — серьезно добавил сценарист, поправив очки в черной оправе. — Я все обдумал. Тема этого сериала – борьба за власть, великое дело основания государства. Женские персонажи лишь привнесли бы ненужную любовную сентиментальность, что противоречит нашей первоначальной задумке. Чжунли Шао тщетно добивается любви героини... так мы придадим образу трагизма, что сильнее тронет аудиторию.

Гу Цзямин, окончательно превратившийся в трагическую фигуру, только и мог, что промолчать: — ...

«Никак не пойму я этих людей. Слова у них – как петарды: грохнут громко, а потом тишина», – подумал он.

Господин Мо, который и прислал тех самых «специалистов» для переговоров с режиссером, предпочел скрыть свои заслуги. Он пораньше ушел с работы, чтобы исполнить долг мужа и отца: забрал Мо Цзеяна домой и поручил всеильному секретарю закупить продукты. Холодильник следовало забить до отказа, а повару было велено приготовить и доставить роскошный ужин.

Ведь сам господин Мо готовить совершенно не умел.

Мо Цзеян носился на своей машинке-каталке. Отталкиваясь ножками, он лихо маневрировал, разгоняясь до приличной скорости. Пролетая между гостиной на первом этаже и верандой, он умудрялся закладывать виражи на сто восемьдесят градусов и уходить в дрифт. Господин Мо, вынужденный из-за раннего ухода взять работу на дом, едва успел просмотреть пару страниц, как почувствовал боль в ноге. Опустив глаза, он встретился с парой невинных огромных глаз.

У маленького Мо Цзеяна случилась небольшая авария – он врезался в длинную ногу родного папочки.

Совершив оплошность, малыш Мо нашел в себе мужество признаться:

— Прости, я нечаянно.

Господин Мо с улыбкой погладил его по голове:

— Иди играй.

Мо Цзеян моргнул и укатил прочь. Папочка, который забрал его сегодня домой, казался уже не таким вредным. Если оценивать по стобальной шкале, то сейчас он заслужил целую единицу. Главное – не перехвалить.

Через пару минут господин Мо услышал громкий «Бам!», а следом – испуганный вскрик:

— Ой!

У господина Мо, чье лицо оставалось бесстрастным, даже когда рушились горы, екнуло сердце. Бросив отчеты, он бросился на кухню. Малыш Мо Цзеян сидел на корточках и с ошарашенным видом взирал на пятно кетчупа, расплывшееся по полу причудливым цветком. Увидев Мо Юньци, он обиженно надул губы – испугался, но плакать не смел.

Господин Мо вздохнул и поднял сына на руки. Видеть это лицо, так похожее на его собственное в детстве, всё в слезах – чувство было весьма странным. Удерживая Мо Цзеяна одной рукой, он другой открыл кран и отмыл крохотные ладошки от кетчупа. В итоге Мо Юньци отложил работу, усадил сына на колени и принялся его развлекать.

Он серьезно предложил:

— Давай сыграем в одну игру? Будем играть и ждать маму домой.

Мо Цзеян вытаращил глаза. Слезы, так и не успев пролиться, высохли. Его влажные глазки сияли, словно две черные жемчужины. Очевидно, предложение его заинтересовало.

Господин Мо ущипнул сына за щечку и строго произнес:

— Это игра только для настоящих мужчин.

Мо Цзеян кивнул. Уровень интереса – зашкаливает!

Господин Мо проникновенно произнес:

— С этого момента сядь ровно и не шевелись. Кто первый дернется – тот проиграл.

Мо Цзеян скривился, и интерес мгновенно испарился. Взгляд, которым он одарил отца, не скрывал ничего:

— Презрение!

Малыш поднял руку, коснулся лба господина Мо и, склонив голову, непонимающе спросил:

— У тебя что, жар?

«Мозги спеклись? Насколько же низким должен быть интеллект у того, кто играет в такие игры?»

Господин Мо, презираемый собственным сыном: — ...

Мо Цзеян потер глаза и решил, что лучше продолжит кататься на своей машинке.

Оставленный сыном господин Мо: — ...

Сделав круг, Мо Цзеян вернулся и вдруг наивно спросил:

— А у тебя правда много денег? Ты можешь купить много-много всего?

Наконец-то найдя общую тему с сыном, господин Мо невозмутимо спросил:

— А чего бы тебе хотелось?

Глаза Мо Цзеяна заблестели:

— Ты можешь купить и привезти домой живую панду?

Господин Мо снова замолчал.

Мо Цзеян тоже помолчал немного и вдруг «всё понял». Его папочка на самом деле не такой уж

и богатый – он даже маленькую панду купить не может.

Видя, как взгляд сына сменился с предвкушающего на понимающий, а затем – на сочувствующий, господин Мо устало потер лоб. Пора менять эксперта по воспитанию детей!

...

Когда Гу Цзямин вернулся, ужин уже стоял на столе. Мо Цзеян всё так же носился на машинке, полный энергии, а господин Мо обеспокоенно следовал за ним по пятам, не отходя ни на шаг.

При виде этой сцены в душе Гу Цзямина внезапно разлилось тепло. Сердце, которое весь путь было не на месте, вдруг успокоилось.

Вернуться домой, увидеть сына, да еще и еда готова... Гу Цзямин был тронут до слез. Вот оно, счастье, верно? Но долг перед Мо Юньци, кажется, становился всё больше. Если он не сможет расплатиться, неужели ему придется всю жизнь оставаться просто оборотнем?

— Папочка! — Радостно закричал Мо Цзеян и бросился к отцу, обхватив его за ногу. В следующий миг Гу Цзямин подхватил его и прижал к себе. Они весело принялись целовать друг друга в обе щеки – никак не могли нацеловаться. С тех пор как Гу Цзямин уехал на съемки, Мо Цзеяна впервые забрали домой так рано, и малыш был готов прыгать от восторга.

Мо Юньци едва заметно улыбнулся Гу Цзямину и мягко произнес:

— Иди переоденься, мой руки и будем ужинать.

Гу Цзямин машинально кивнул, а в голове всплыла мысль: «Какая же у меня женушка домовитая!»

Тьфу!

Гу Цзямин поспешно потрянул головой, отгоняя эту нелепую думу. Он не может связываться с хрупким человеком. Он – оборотень, стремящийся к истинному просветлению!

После плотного ужина Гу Цзямин принял душ и развалился на диване, наблюдая, как Мо Цзеян, словно бельчонок, скачет по подушкам. Он лениво бросил сидящему напротив Мо Юньци:

— Сегодня был первый рабочий день, сняли всего пару кадров и разошлись. Завтра начнутся полноценные съемки, я точно не буду возвращаться так рано. Впредь не ждите меня к ужину.

Гу Цзямин лежал, откинувшись назад; просторная пижама сползла, обнажая изящную ключицу. Белоснежная шея была слегка выгнута, очерчивая красивую линию. Лисье племя само по себе обладало уникальным шармом, и в этой небрежной позе каждое его движение буквально кричало о соблазне.

Даже если лис-оборотень совсем на него не похож, он всё равно остается искусителем.

Сидящий напротив господин Мо прекрасно принял этот сигнал. Это был чистой воды соблазн.

Совсем как пять лет назад, когда всё его существо вопило: «Если не съешь меня, ты не мужчина!»

Мо Юньци окинул его взглядом, и его глаза потемнели:

— Хорошо.

Почувствовав на себе этот взор, Гу Цзямин, который до этого был ленив, как кисель, внезапно вздрогнул и настороженно огляделся: «Может, кто-то хочет мне навредить?»

В этот момент Мо Юньци поднялся. Гу Цзямин проследил за ним взглядом и, приподняв голову с дивана, увидел, что тот пошел налить воды. Он поднял руку:

— Я тоже хочу!

«Если он просто нальет мне стакан воды, это ведь не создаст кармического долга?», – Гу Цзямин прикинул в уме и решил, что стоит оставить тому немного денег – как плату за то, что забирает ребенка и работает нянкой. Как он платит Цзя Чуаню. В мире людей всё покупается и продается за деньги, так никто никому ничего не должен.

План отличный! Никаких изъязнов!

«Ай да я, ай да молодец!»

Господин Мо вернулся с двумя стаканами воды и сел прямо рядом с Гу Цзямином. Тот не обратил на это внимания и с довольным видом выпил воду, после чего протянул стакан обратно.

Мо Юньци на мгновение замер, не сразу сообразив, что происходит.

— Стакан. Поставь на место, — скомандовал Гу Цзямин, бесцеремонно всучив посуду в руки господина Мо.

Глядя на стакан в своей руке, Мо Юньци усмехнулся и легонько хлопнул Гу Цзямина по пояснице, желая завязать разговор:

— Ты и в обычной жизни так себя ведешь?

Гу Цзямин обернулся и вытаращил глаза:

— Ты меня ударил?

Господин Мо встал, собираясь отнести стакан, и, услышав это, с долей иронии спросил:

— И это, по-твоему, удар?

Тут до Гу Цзямина дошло. Ох! Этот хрупкий человечешка снова распускает руки! Он что, думает, я опять попадусь на эту удочку? Что я, как дурачок, радостно брошусь к нему в объятия и поташу в постель? Тогда я был наивным и невинным, но теперь-то я не так глуп!

Неужели он думает, что я не посмею похулиганить в ответ?

Такие привычки поощрять нельзя!

И Гу Цзямин властно потрогал его в ответ.

За задницу!

«Раз ты смеешь трогать мою поясницу, я посмею трогнуть твой зад. Высшая степень дерзости!»

От автора: — ...

Гу Цзямин: «Я не хочу вечно быть оборотнем, я хочу достичь просветления».

Мо Юньци: «О».

Мо Цзеян: «О».

Гу Цзямин: «Вы можете мне подыграть?! Seriously подыграть!!»

Мо Юньци: «Давай родим еще двоих малышей».

Мо Цзеян: «Давай родим целую кучу братиков».

Гу Цзямин: «...»

Пожалуйста, не забудьте поставить «Спасибо»! Ваша активность помогает делать работы лучше, ускоряет выход новых глав и поднимает настроение переводчику!

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17007/1580119>